

Защищаем снуками и пренуками наши, которых суждено видеть Россию в 1940 г., стоящую во главе образованного мира, принесшую законы и науке и искусству и учреждения от всего просвещенного членства.

В. Белинский

D.MOOR.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОД

1939 год был для СССР годом новых выдающихся побед: побед в области международной политики во всех областях социалистического труда, в развитии марксистско-ленинской теории, в развитии науки, техники, искусства, в боевых действиях Красной Армии. Этим победам мы обязаны могущественному и светлому гению Сталина, его умению предвидеть и организовать.

XVIII съезд партии большевиков начертал перед народами нашей роины величественную программу строительства коммунизма. Он высоко поднял знания советской интеллигенции. Он возложил на ее плечи почетную и кропотливую, трущую и вдохновенную работу по коммунистическому воспитанию людей.

Нужно ли напомнить, сколько велика роль советского искусства в осуществлении этой всемирно-исторической задачи?

С каждым же итогом на этом славном пути приходили мы, советские писатели, к началу 1940 года?

Итоги эти далеко не таковы, как хотели бы нам. Но итоги эти — не малые.

Мы больше и лучше, чем в прошлые годы, учились. В одном 1939 году мы изучали, исследовали, переводили на языки народов ССР и пропагандировали великолепное наследство наших народов — Салтыкова-Шедрина, Лермонтова, Шевченко, Чернышевского, Чехова, Туманяна, Шолом-Алейхема, Коста Хетагурова, Брюсова, армянского народный эпос «Давыд Сасунский». Мы в разгаре подобной же работы по наследству Низами, Низами, Ломоносова, Акакии Церетели, Ивана Франко, И. А. Карабатова, Абая, Тохтугала, по эпосу калмыцкого народа — «Джангар», ногайского — «Манас».

Значение этого труда у нас иногда недооценивается. А значение этого труда в том, что мы извлекли все лучшее из союзнических национальных культур, в прошлом разделенных и помыкаемых, скрытых даже от своего народа, и сделали это, лучше, вовсеющим достоянием, наследством и школой советской интеллигенции **всех** национальностей.

Значение этой работы в том, что в процессе ее мы положили действительно серьезное начало переводам, взаимному ознакомлению, чтобы друг у друга, современной дружной работе советских писателей **всех** национальностей.

Мы нашли одну из практических действенных форм учебы для молодых (и не только молодых) писателей **всех** национальностей в виде всесоюзных и республиканских курсов-конференций.

Это лает нам право сказать, что наша организация — союз советских писателей — на деле становится всесоюзной организацией, что у нас действительно наступил и плодотворный процесс взаимного культурного, эстетического обогащения, что мы все более успешно учимся реально, практически помогать литературам народов, в прошлом более отсталых, догнать передовые в кратчайшие сроки.

Но писатели ССР не просто учились. Они учились, работали.

Мы можем гордиться тем, что значительные кадры наших поэтов, прозаиков, драматургов, как более старших поколений, так и из среды молодежи, делали трудности военного похода с боями, командарами и политработниками Красной Армии, служили своим первым делу защиты нашей родины.

Разумеется, нет никакой возможности перечислить имена всех товарищей, работавших во фронтовой красноармейской печати. Напомним, однако, что за хорошую работу правительство отметило нескольких

наших товарищ — В. Ставского, Б. Лавина, Л. Славина, З. Хандревина — боевыми отличиями.

Конец 1939 года принес нам много «неожиданностей». Так, например, в дискуссии истекшего года советская драматургия поначалу принято было считаться «отсталым участком». А между реальными итогами года показалось, что наша драматургия шагнула вперед, как никогда. «Вдохновение» В. Иванова, «Глория» Выпрты, «Боцман Хмельницкий» Корнейчука, «Моль» Погодина, «Сашка» К. Финна, «Мой сын» Герцеля Литовского, «Сказка» Светлова, «Павел Греков» Войтехова и Ленча, «Страшный суд» Шварцкапфа, «Путь к победе» А. Толстого, «Шел солдат с фронта» Каталева, «Кизиль» Налеверова, «1812 года Соловьева», «Волк» «Полоцкие сады» Леонова, «Гго» сместился последний Бараны, «Читатель» Герасимова, «Суворов» Бехтерева и Радзинского, «Рыцарь Иоанн» Сельвинского, «Доля поэта» Головалинского, «Сын народа» Германа, «Абай» Аузова и Соловьева, «Коста» Арасланова и Епихина, «Тукай» Ахмета Файзи, «Великая дружба» Армена Гулакяна, — трудно назвать другой, где бы советская драматургией были так широко представлены.

Рассмотрим, эти пьесы далеко не разноценно. Но вопреки мрачным заключениям скептиков из породы закоренелых наущающих народов ССР и пропагандировавших великолепное классическое наследство наших народов — Салтыкова-Шедрина, Лермонтова, Шевченко, Чернышевского, Чехова, Туманяна, Шолом-Алейхема, Коста Хетагурова, Брюсова, армянского народный эпос «Давыд Сасунский». Мы в разгаре подобной же работы по наследству Низами, Низами, Ломоносова, Акакии Церетели, Ивана Франко, И. А. Карабатова, Абая, Тохтугала, по эпосу калмыцкого народа — «Джангар», ногайского — «Манас».

Да, 1939 год говорил о крупнейших, имеющих принципиальное значение сдвигах в развитии советской драматургии: она выходит на настоящую широкую дорогу современной темы, рождает новые жанры и прежде всего — советскую комедию.

Исклучительно много и успешно поработали советские поэты над переводами. Вспомним, что в этом году под редакцией В. Луговского и С. Вургана вышла на русском языке великолепная антология азербайджанской поэзии. Вспомним, насколько языков были переведены стихи Шевченко, Коста Хетагурова, «Лавица Сасунский» и какие квалифицированные силы работали над этим! Достаточно сказать, что на грузинском языке было переведено полное собрание сочинений К. Хетагурова (под редакцией В. Горгадзе) и что в этих переводах участвовали лучшие поэтические силы Грузии. В переводах на русский язык армянской классической поэзии сильно вырос поэт Даргавян, незаурядным переводчиком «Джангар» показал себя поэт Линник.

Много и хорошо переводили в этом году был голем выдвижены ряда новых имен. Некоторые из них появились впервые, некоторые писали и раньше, но мы узнали их с новой, сильной стороны. Несомненно лучшими венцами сезона были «Дикая собака» Фраэрмана, «Судьба барыбаша» Гайдара, «Пахроменко» В. Иванова, «Над Кубанью» Перенцева, «Вредная черепашка, теленок» Г. Финна, «Запыльцы геологии» Емельяновой, «Солдатская сказка» Голубова, роман о Свифте М. Левинова, «Степан Кольчугин» В. Гроесмана, «Наступление» Бахметьева, «Начальник мальых рек» Атарова, «Бывший капитан» Каверина, «Ирина Голубова» Митрофанова, «Поучительная история» Гехта, «Возмутитель склонности» Л. Соловьева, «Круги зверь» Тарасова, новые произведения Зощенко.

К этому перечню следует добавить прекрасные книги, написанные не профессиями писателями, а теми, что А. М. Горький называл «бывальими людьми». Мы имеем в виду ставшие настольными у каждого передового советского гражданина книги Наталии о знаменитом драматурге на лынне от Северного полюса до берегов Гренландии, Байкурова о Чкалове, «Записки штурмана» Раевской.

Что нового и характерного в прозе этого года? То, что большинство книг, ставших популярными и любимыми, это книги о нашем времени, о наших людях, о их жизни, о их трудах и деяниях. Мы справедливо критиковали наши науки за то, что они недостаточно уделяют внимания критике современной литературы. Но это обвинение нельзя перенести на нашу критику «вообще». Западный отряд нашей советской критики

сожалению, и до сих пор не изжигает в литературных кругах педоценка роли и значения нашей критики. Некоторые люди склонны по неосторожности разумеать между собой интересы советской демократии, смелой и решительной самокритики, смелой и решительной постановки творческих вопросов и дискуссий может обеспечить успешную работу союза советских писателей.

Чтобы мы научились чутьче улавливать враждебные голоса и фальшивые ноты, плавающие над советской литературой, следует отметить и тот перелом, который произошел среди квалифицированных литераторов в их отношении к работе над сценарием. Известные всем достижения советского киноискусства во многом обязаны тому, что работа над сценарием перестала считаться второстепенным и грязным делом. Выросли сценаристы-профессионалы. В успехах кинематографии есть значительная заслуга труда А. Толстого, Вишневского, Катаева, Каптерев, Блеймана и Бодянчикова, Павленко, Шкловского, Корнейчука, Виноградской, Поташова, Смирновой.

Чтобы преиздрам союза советских писателей, едва сделавший первые шаги в развертывании демократии в нашем союзе и застрявший на этих первых шагах, более кругло, решительно совершил поворот в эту сторону, ибо **только** этот путь, путь советской демократии, смелой и решительной самокритики, смелой и решительной постановки творческих вопросов и дискуссий может обеспечить успешную работу союза советских писателей.

Чтобы особенное внимание во всей нашей литературной работе было уделено духовному воспитанию литературной молодежи. Чтобы все литераторы, митополиты, политруков, как бывшие, так и новые, не только вспомнили, но и вспомнили о нашем времени, о наших людях, о их жизни, о их трудах и деяниях. Мы спрятаны критиками наши науки за то, что они недостаточно уделяют вниманию критике современной литературы. Но это обвинение нельзя перенести на нашу критику «вообще». Западный отряд нашей советской критики

более всего этот год был годом

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кудагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лишиной, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 72 (851)

31 декабря 1939 г., воскресенье

Цена 30 коп.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Послание друзьям

Дайте руки, Бажан, Чиковани, Зарян и Вургун!
Наша песня пройдет по республикам прежним и новым,
Заполошется знаменем, вплывится звоном в чугун,
Перекликнется с братьями звом коротковолновым.

Перед нами — серьезное, гордое время труда,
Горный эпос, былины в степных, ветровых перекатах,
И впервые блеснувшая в мощной породе руда,—
Ибо мы — поколение впервые по праву богатых.

Не похлебка пословиц, не скажок медовый кисель,
Не старье, не сырье в словарях Ушакова и Даля,
Ничего из того, что казалось богатством доселе,
Чем кичились поэты, хотя и в глаза не видали,

Только первоначальная сила волнет ветровой,
Ширина, вышина заводимых вполголоса песен
С красным солнышком, синей рекой, зеленою травой,
По сравнению с которыми мир непривыден и тесен.

Только этим и чист, только этим и молод язык.
Кто его забывал, у того и дыханье скудело.
Сочинял он безделки глупцам, упражнялся заикой,
Каламбуром или околосицу нес то и дело.

Кто бы ни был — араб, или мудрый индус, или грек —
Он на песню откликается даже из века другого.
Он услышит сливные наряды, слияние рек,
Наш единий, наш многоязычный, раскованный говор.

И земля, и огонь, и любая река, и гора,
Ангара, и Арагви, и Днепр, и Двина, и Непрядва,
Арагат, и Урал, и Алтай, и река Волга-ра
В нашу песню войдут, как трикраты священная клятва.

Эта клятва пройдет по земле не разящим мечом,
А скопом световых, как прожектор по вспыхнувшим тучам,
Не помеха — пространство, и время само — ни почем
Нам, впервые здоровым, впервые по праву растущим.

Начинается утро. Поют петухи на Руси.
Изделка слышны голоса электрической тяги.
О, Родная Земля! Ты уже за холмами еси!
Над тобой развеются в бурях червленые стяги.

★ ★ ★

Мартин АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

За финский народ!

Буржуазной и близкой к ней прессе скандинавских стран поднялась волна «сочувствия» Финляндии. И вот на всех скандинавских языках распевают «Песнь о Суоми».

«Бедный финский народ», который вел такую жестокую борьбу за свою свободу в послесоветские годы, окружен такими новописческими чувствами симпатии, как будто они только что выпущены с фабрики эмоций. Стокгольмская социал-демократическая газета, выразила свое сочувствие, разлагательствуя об «общности судьбы».

Но правда в том, что Финляндия является в настоящее время страной малярей лесопромышленности и гигиен в царствах, едва ли имеющей в царстве винограда. Гуттажи, Финский народ, который после победы большевизма в России Ленин дал свободу, никогда не был в состоянии воспользоваться этой свободой. Буржуазия так сильно угнетала народ, что правда в том, что Финляндия явилась в наше время страной малярей лесопромышленности и гигиен в царстве винограда.

Финляндия защищена от погромов и избиения со стороны Финляндской полиции за то, что она давала показания в пользу Антикайпена, также советского гражданина.

Достаточно только напомнить о судебном процессе Антикайпена в Хельсинки, когда советские свидетели, которых было гарантировано свободой прессы по Финляндии, подверглись нападению и избиению со стороны финляндской полиции за то, что они давали показания в пользу Антикайпена.

Правокация за провокацией! Уже не зеленели ли эти вояки, финские магнаты лесопромышленности, великореванжевые мечты о залоговании России до Урала, о залоговании балтийских стран и, наконец, Скандинавии?

Мы, народы скандинавских стран, должны отбросить тьму «общности судьбы». Мы проникнуты большими сочувствиями и финским народу, а не в его правящей касте. Финскому народу ничего не грозит с Востока. Каждый национальный, дорожащий своей честью, должен быть разделять, развиваясь на Балтийском море.

У нас все основания приветствовать Советский Союз на балтийском побережье и радоваться, что он освежил атмосферу, зараженную официальной Финляндии. Есть бесчисленные доказательства того, что финский народ так же смотрит на этот вопрос.

С ним у нас общность судьбы, а не с господами в пиджаках и с дряхлыми стариками, которые в предсмертной агонии направляют на поборы будущего.

Из статьи, помещенной в датской рабочей газете «Арбетербладет» и американской газете «Сэнди Уоркер».

Большой зал Консерватории переполнен до отказа. На сцене, во всю высоту стены, портрет великого осетина. Его гуманизмом, конкретением:

Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Святыня — отечество мое,
И во имя этого идеала поэт готов на борьбу...

Я счастлив не знал, но я готов свободу,
Которой я призываю, как счастье,
Дорожки, дорожки...

Минуты сочтены.. Повсюду бьют тревогу, бьют тревогу...

Уж брезжит луч зари, играя на штыках...

— Коста, — заключил свой доклад И. Лупп, — выстрадал в безвременном 50-х годах свой гуманистический идеал и привнес его на порог 1905 года.

После вы

Лето в Ливнах

Это было несколько лет назад в городе Ливны. Я рылся на чердаке у своего хозяина в куче растрепанных журналов и нашел книгу без переплета. Титульный лист был вырван. Книга начиналась с тридцатой страницы.

Я унес книгу в старый сад над рекой и читал ее до темноты.

В тот год лето стояло тяжелое, жаркое. Души сухие ветры. Серый от пыли черепаха штурмал в палисадниках и не было даже знаменитых ливенских гроз.

Жители Ливен испытывали силу и частоту этих гроз тем, что под ливенскими желтыми известьниками лежали пластины железа, прятавшие грозы.

Но это лето сила залежей иссякла, — грозы громыхали за дальними косогорами. С полудня ветер дул по овсам. Овсы тревожно шумели. Слюдяной блеск бежал вместе с ветром во всю ширину поля.

Пыль зависала столбами по пустым логам, и в глухой синеве, полымявшейся с юга, мутно загорались зарницы. Казалось, что кто-то передергивает их зловещий огонь. Но вечером грозовая туча ухнула, ворча, за край земли, и в небе начинали блоязнью поблескивать звезды.

В городском саду играл пожарный оркестр. Ревели потные тромbones. Девушки снимали туфли и вытирали из них шелуху от семечек. Учитель Несторов в черной широкополой шляпе декламировал тенором со щекоткой эстрады: «Как хороши, как свежи были розы в моем саду, как взор плелись звезды».

Проходили месяцы, но ничего нового не было, корабль, не виля земли и устав блуждать по океану, повернулся обратно к берегам Испании.

В Извалов день на рассвете Понсе де Леон проснулся в своей каюте от ликующего крика матросов. Он поспешно выпил из пайту и, пораженный, упал на колени. Слезы потекли по его желтым щекам.

Земля, похожая на высокие горы цветов, листьев и трав, перепутанных солнечными лучами, качалась в отдалении, медленно приближалась к кораблю, и Понсе де Леон слышал торжественный шум ее воды и осторожно кувалдил лягушки. Каждый раз, когда удалялся корабль, из воды выбрасывалась тяжелая рыба.

Две девушки сидели на берегу, на рассеянной лодке, и одна говорила другой: «В книгах про любовь пишут, у нас не понятно... Никак я не могу поговорить, чтобы Петя меня не покинул».

— Благодарю тебя, небо, — крикнул Понсе де Леон, — за то, что я увидел, как он, что-то новое! — У нее нет имени, — сказал капитан. — Смотри, как она цветет. Мы не можем поговорить... «Дура ты, Манька», — ответила девочка и замолчала, задумавшись.

Я узнал ее по голосу. Это была Анфиса, дочь моего хозяина — хлопотливого старичка, сидевшего в ларьке, где продавали сироп и рассыпные папиросы.

Понсе де Леон вернулся из сада к себе в комнату, зажег керосиновую лампу и переписал из прочитанной книги три строчки:

«Единственной страстью Понсе де Леона было желание увидеть что-нибудь новое. Всю жизнь он провел на равнинах Северной Кастилии. Каждый путник, посетивший эту страну, уносил из нее гнетущее воспоминание о серой земле, поросшей сухой травой, о грубых каменных ложах и небе — бесцветном из-за отсутствия благогодатных дождей».

Скука преследовала Понсе де Леона. Приближалась старость. Она уже ломила kostи. Она заставляла его пересчитывать круговые ступени каменной лестницы, чего раньше Понсе де Леон никогда не делал. Ничего нового не было вокруг. Весь день брались за землю, и Понсе де Леон заранее знал, какие грубые слова крикнет каждая своей соседке. Все то же старое белье сунуло на веревки. Тонкие брюдчики молчали изредка вспомнили оживление. Но рассказы этих грязных людей были так грubby и лживы, что Понсе де Леон очень скоро наслушал их слушать, и он всячески старался отшвырнуть монахов от своего дома.

Отрывки из повести.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ БЕЛАРУССИИ

Сектор литературы народов СССР издавал «Художественную литературу», подготовил к печати сборник стихов умершего в 1917 г. в 25-летнем возрасте замечательного белорусского поэта М. А. Багдановича.

Большое место в творчестве М. Багдановича занимают стихи, написанные в подражание белорусскому устно-поэтическому народному творчеству, которое он хорошо знал с детства. Его отец был зна-

ком народного творчества, а бабка и прабабка поэта были талантливые сказительницы, владевшие неистощимым запасом народных песен, сказок, поверьй, легенд.

Перу М. Багдановича принадлежат первые переводы на белорусский язык стихов А. Пушкина, Т. Шевченко, Г. Гейне, И. Франко, П. Верлена. Стихи М. Багдановича печатаются в переводах поэтов М. Исаковского, П. Семёнова и В. Ирина.

Я пожалел о смерти старого испанца. Если бы он остался жив, он панорамно написал бы книгу о Флориде, написал бы точно, скрупульно мореплавателя. «Мы приблизились к земле, цветущей и богатой пресными водами и птицами, и называли ее Флоридой». Так могла начинаться эта книга.

Несколько лет спустя я узнал истинную жизнь Понсе де Леона. Он открыл в 1512 году Флориду, но умер несколько лет спустя на острове Куба. Но одно оставалось неизменным, — всю жизнь Понсе де Леон стремился увидеть что-нибудь новое.

Он стремился к тому, в чему должен стремиться писатель и слова, вырезанные на его нагробной плите, сделали бы честь любому из людей, пишущих книги.

С. ГЕХТ

МЫ

В начале 1940 года мне попался в руки десятилетний лавочки номер одного из наших тонких журналов. Я только что совершил прогулку по Москве и видел улицы на стенах домов множеством веселых, разрисованных карнавальными красками афиш. Заводские и железнодорожные клубы зазывали москвичей на устраиваемые в честь нового года маскарады, балы, вечера. На бульварах и площадях люди привлекались к атакам, чуть не каждый третий прохожий танцевал с игрушками, из магазинов выплывали корзины с шампанским, на улицах раздавались соответствующие моменту шутки, кто-то кому-то луком помигивал, и сотни раз доносились ко мне звуки и тот же вопрос:

— Где встречаешься? А! Нет, мы у себя...

Затем расходились.

Глаза прохожих были устремлены на последнюю страницу вечерней газеты, где из толпы привычных и скромных обьявлений об обмене коммюнико и купле-продаже выплыли огромные и парадные рекламы ресторанов с обещаниями сильных ужинов, концертов, танцев до утра и пр.

И вообще все вокруг жило опущением наступающего праздника, казалось даже, что и дворники более лихо, чем обычно, помытывают улицы, и машины не терпеливо подрагивают у светофоров, словно они заставляют их движение к новому году.

По замыслу планируемого построения рассказа, основополагающим образом из литературных кругов до дыр чехословаков о русле, которое должно в третьем акте выстремить, мне следовало бы попутом о том, как еще недавно, несколько лет назад, встречали у

стола папки:

— Как они встречают новый год?

Они — это капиталистические элементы в нашей стране, а проще говоря, папки.

По замыслу редакции, снимок должен был вызывать у читателя чувство возмущения, отвращения. Я более внимательно, чем в

Тройка

Тройка мчится...

П. Вяземский.

Мчится тройка, скакует тройка,
Колокольчик под дугой
Разговаривает бойко.
Свети месяц молодой.

В кашеве широкой тесно;
Как на свадьбе, гопоха,
Размахнувшись, ходят песни
От плеча и до плеча!

Гармонист запевала
Держит песню на ремне.
Эта песня побывала
И в станице, и в Кремле.

Ветер по снегу еловит:
Закружит и — след нет.
Но глубокие полыья
Оставляют в сердце след.

Как он близок, как понятен,
Как народ к нему привык,
Звонких песен, ярких пятен,
Выразительный язык!

Погоняется, смех игривый
По обочинам мечи.
Пламенеет в конских гривах
Яркий праздник кумача.

Кто навстречу: волк дурий,
Что косится, дурной,
Половецкими белками
Чистокровный коренней?

Нет, не время нынче волку!
Обрага кровью наст,
Волк уходит втихомолку,
Русской песни сторонясь.

А она летит, лихая,
В белоснежные края.
Замирая, затихая,
Будто молодость моя...

Тройка мчится, смех игривый
По обочинам мечи.
Пламенеет в конских гривах
Яркий праздник кумача.

Да здравствует воздух седой,
Канун торжества молодого,
Конец испытанья «Седова»
Меж небом и бурной водой!

Да здравствует сильный Союз,
В котором прибавились дети,
Поравнявшие цепи и пласти —
Украинец и белорус!

Да здравствует мудрый Совет,
В Кремле заседающий ночью,
Чтоб все увидели воочию
Спасительный сталинский свет!

И вот, завершая поход,
Мы старому скажем «спасибо!»
За все, что доставил он, —
То был замечательный год!

Чем новый томит горячо —
Любовью иль дружбою верной?
Он тем и прекрасен, наверно,
Что нам неизвестен еще!

Лети, наша песня... Он ждет,
Он тем и прекрасен,
Что будет,
И все, что захочет, —
Добудет,
Стремясь все вперед и вперед!

Песня

Как племя печное, трещит
Веселая ярость мороза.

Вся в капоре белом береза
И лед на пруду, словно щит.

Такая метель за окном,
Что трудно беседовать с нею

И стынут бокалы, темные

Томительные южные вино.

Но прежде, чем праздник начать,
От девичих взглядов пьянея,

Товарищи, сядем теснее,

Чтоб сердца у сердца стучать.

Друзья, да не будет пустот

И пауз, наполненных скучой,

Меж теми, кто кончи с разлокой

И смотрит с надеждой вперед.

И холод, вплоть в окно

Невидимыми путями,

Не същет щелей меж сердцами,

Сливавшимися в одно.

Да здравствует воздух седой,

Канун торжества молодого,

Конец испытанья «Седова»

Меж небом и бурной водой!

Да здравствует сильный Союз,

В котором прибавились дети,

Поравнявшие цепи и пласти —

Украинец и белорус!

Да здравствует мудрый Совет,

В Кремле заседающий ночью,

Чтоб все увидели воочию

Спасительный сталинский свет!

И вот, завершая поход,
Мы старому скажем «спасибо!»
За все, что доставил он, —
То был замечательный год!

Чем новый томит горячо —
Любовью иль дружбою верной?

Он тем и прекрасен, наверно,
Что нам неизвестен еще!

Лети, наша песня... Он ждет,

Он тем и прекрасен,
Что будет,
И все, что захочет, —
Добудет,
Стремясь все вперед и вперед!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Доктор посмотрел на сердитое лицо больной.

— Все еще обижается? — спросил он.

Больная заговорила быстро, как будто давно уже хотела ответить на этот вопрос.

— Да, обижусь... И напрасно меня не выписали... Температура поднялась сего дня от волнения. Только от волнения. Я это хорошо знаю...

— Не надо горчиться... — Доктор сел на краешек кровати и взял свою теплую рукавицу.

— Подумаешь, какое событие, — сказала больная, — я тоже прикрепилась к краешку кровати.

— Подумаешь, какое событие, — сказала больная, — я тоже прикрепилась к краешку кровати.

— Да здравствует сильный Союз,

В котором прибавились дети,

Поравнявшие цепи и пласти —

Украинец и белорус!

— Да здравствует сильный Союз,

В котором прибавились дети,

Поравнявшие цепи и п

Новогодние размышления

Мы уделяем достаточное внимание конкретным явлениям нашей литературной жизни — книгам и писателям, но весьма мало внимания тем сложным и глубоким процессам, которые идут в нашей литературе. Можно подумать, что развитие нашей литературы в прямом смысле аналогично — и параллельно — развитию нашей индустрии и колхозного земледелия и представляет собой некий отраженный и прямолинейный процесс качественного и количественного преуспешения. Нет сомнения, зависимости между этими двумя явлениями самая тесная и безупречная — это элементарное марксистское положение, — но и чрезвычайно сложная и тонкая; вульгарный социализм здесь, естественно, столь же нетерпим, как для исследований литературы классической. С этой преносильской согласится каждый, но отсюда еще очень далеко до понимания закономерностей развития советской литературы. Итак, я отдал себе полный отчет в грязной трудности этой задачи — она не только не решена, но, в сущности, еще не поставлена даже в отношении литературы классической — явления отстоявшегося и застывшего. Чем, к примеру, обяснить необычайный взлёт русской литературы в первой половине прошлого века? Конечно, можно указать известные обстоятельства этого явления, но когда подумашь о поразительном обилии гениальных юношей в русском обществе десятых, двадцатых, тридцатых годов прошлого века, то совершенно отчетливо видишь, что у становление сложнейших соотношений «базиса» и «насторийки» требует еще великого усилия мысли: нас не удовлетворяет более прямым «выявление» сложнейших явлений культуры из роста цен на цену и джут (впрочем, «литературная анниципация» еще в 1930 году проделывала подобные опыты в отношении классической и советской литературы); это стремление узинуть культуру очень характерно для людей малого ума и холода сердца.

Речь идет не только о гениях, так сказать, свершившихся — о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Баратынском, Грибоедове, Гоголе, Белинском, Герцене, но и о тех, что погибли на почве злости, либо в прямом, физическом смысле, вроде Бекетовского, либо были задавлены эхом, вроде Чайковского, либо не справились с разрушительными силами собственной личности и растворились в беспестии, слей посыпавшиеся в мемуарах их друзей и современников. Немало гениальных людей — писателей, ученых, философов, государственных деятелей — было и в среде лекаристов, но их дела не заняли бесполном томления и малых лекарей.

Перед этим громадным и необычайным явлением русской народной культуры, развернувшимся в столе узком прелесть времени, неизменно испытывавшее изумление и трепет. Неясноющая жизненность и неизвестность плодоносность этой культуры, притягнутой и обогащенной последующими десятилетиями века, особенно известна в наше время, которое может быть смело названо эпохой возрождения русской классики.

В мою задачу в данном случае не входит дальнейшее развитие этой мысли, и весь предшествующий материал привлечен лишь для совершенно иной цели. Сейчас, на самом пороге пятого десятилетия двадцатого века, мне хочется говорить о советской литературе. Я не претеную ни на обобщение, ни на анализ, я хочу только поделиться некоторым наблюдением, почему-то мной из общения с писателями, еще не сбывающимися, а также с людьми, еще не осознавшими свое писательское призвание. Круг моего наблюдения невелик, но ведь всякий вывод делается не только на пепелистических дащинах — в него непременно привносятся весь свой жизненный опыт, способность к угадке явлений отдаленных, но так или иначе связанных с интересующим тебя предметом.

Если отвлечься от обычного, будничного представления, создаваемого привыч-

ким пребыванием внутри процесса, то нельзя не заключить, что наша литература, в своей совокупности, есть явление замечательное. Если будущий историк, которому мы склонимся передовать ее, будет охотно передавать ее, то в ее классичности, то и имею в виду отличие не размер дарования автора, а лишь характер его дарования.

Подобный рассказ — и подобный писатель — не мог появиться ни два, ни три года назад, ни тем более ранее. За последние годы мы пережили события такой колоссальной важности, что мы сейчас еще не в состоянии дать себе отчет в их значении для нашей культуры. В событиях исторических помимо их прямого, видимого смысла, заключен всегда тот или иной культурный смысл, открывающийся зачастую нашему сознанию не сразу, а лишь по прошествии известного времени. Во всяком случае, можно сказать определенно, что за эти годы завоевания Октябрьской революции во всех областях жизни и мышления окончательно открытилизовались в сознании народа, и наша культура обрела универсальную силу, глубину и сознательность.

О полноте и завершенности опущения советской действительности, не нуждающейся ни в каких сравнениях в контрастах, ни в каких схемах прецессиях, свидетельствуют и все другие рассказы этого автора. Конечно, эти черты характеризуют в той или иной степени и многие другие произведения советской литературы последних лет, но в столь органическом и непосредственном претворении я встречаю их в первый раз.

Всюко я познакомился с автором. Он оказался человеком трудной и суровой жизни, чернорабочим, оторвавшимся даже от этой профессии из-за своего недоделанного пристрастия к писательству. Он шел на работу — отборку картофеля, перенесенными грузами — линь тога, когда дома не оставалось куска хлеба; все оставшееся время он отдавал чтению и писанию. Он

неоднократно посыпал свои рукописи в замечательном поколении первой трети двадцатого века социалистического опыта, накопленный восемнадцати веком в лице самых значительных вех российской «предистории»; и величайший концептатором этого опыта явился Пушкин.

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!»

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Всякое чтиво смотрит на героя и говорит: «Используйте все, что вы видите!

Ночь в Кремле

Сутробы ворочаются, как живые, и в белесоватой летучей игле в тяжелых тулупах стоят часовые, и выюга под окнами ходит в Кремле. Он френч растянул, разорвал папиросу и высыпал в трубку табак из нее. О домнах, о флоте, о школах — вопросы. А выюга свистит — затвердила свое.

Ее завыванье напомнил о давнем, о ссылках, о тюрьмах этапных, о том, как в Туруханске, клопая ставнем, выюга ломилась в бревенчатый дом, покажется — темным таежным звоном она прилетела сюда сквозь года. Но к Сталину, к чутким его телефонам, бегут по стране провода, провода.

Цветистый платок повязав спозаранку, над крупным зерном, чуть наморщив лоб, склонилась колхозница-лаборантка. Огромен, как мир, для нее микроскоп. Росток, разрушая свою темницу, пробился в тепле застекленных рам, чтоб к самой Двине подступала пшеница, седая от заморозков по утрам. Мы колос растим, гоним уголь в штреке, ведем ледоколы, у домуен стоим, страна пожелает — и кинутся реки, куда мы на карте указаем им. Ведут к коммунизму года пятилеток: что далью казалось — рукой задень. Мечта ощущимо стала, как этот уже под окно подступивший день.

Владимир КОЗИН

О ПЫТ

Был апрель, последний месяц окота. Высокие холмы вокруг Рабата стояли красные от тельячаков, и даже человеку, привыкшему к небывалым растительным краскам туркменской земли, голубое утро среди пустынных красных холмов показалось бы удивительным.

Панченко сидел верхом на своем рыжей лукавой кобыле, держа в левой руке повод, в правой — чистенький узелок; она пугтила кобылу по холмам, минуя извороты долины, и выехала прямо к белому зданию, стоявшему на красном пастбище.

В новой, светлой овчарне было пусто, стояла просторная тишина, лишь было слышно, как дикое голуби горопливо стучали в корытных подбирая ячмень. Панченко привезла неиспользованную Пчелку к железному колычу на открытых двустворчатых воротах и вошла с узелком в прохладу здания.

В обширной овчарне с легким запахом щевелья жиропота ей стало весело и покойно, вахотелось отдохнуть от солнца. Она медленно прошла через всю овчарню и остановилась в дальнем углу, перед фарфоровой перегородкой, на которой красной жирной краской, какой мятят овец, было написано строгими буквами:

«Не мешайте, я думают». — И все он думает, все думает, — мне думки его, ях хоробра, — громко сказала:

— Андрей Петрович, я к вам, покушать принесла!

— А, Мария Ивановна, — закричал Кулагин из-за перегородки, — входите!

За фарфоровой перегородкой стояла подальная койка, покрытая кошмой, стол и стул; на стене висели зеркальце, шкатулки и пластины под брезентовым плащом; большая часть стола и овечья корумпика рядом со столом были заставлены книгами. Зоотехник Кулагин сидел на краю корумпика с толстым книгою в руках.

— Что это вы без рубашки сидите? — спросила Панченко, входя за перегородку и несмело улыбаясь.

— Жарко. — И все ему жарко, все жарко! Чего я хочу вас спросить? Сала я принесла, добре сало. Хотите сальца, Андрей Петрович?

— Очень хорошо. — А чесноку не нужно?

— Нет не нужно.

— Понимаю, запаха не хотите.

— Мария Ивановна все разумит!

Панченко всмешалась.

— И откуда вы, Андрей Петрович, взялись? Где такие, как вы, только водятся? Ну, все смеются, да смеются. Я на вас без смеха уже глядеть не могу. Кумыр. Ей боя же, кумыр, або клоун. Да как смеется, дробенько так, дробенько, ну ях жеребеночек!

— Что у вас там еще есть, дорогая Мария Ивановна?

— Чыпленочек жареный и пампушечки в сметане.

— Наварила-налика!

— Одна я, Андрей Петрович, делаю мне и нечего.

— Ваш муж все бродяжничает?

— Хыба я знаю, где мой чоловик! Ездит по всему Туркменистану — як птичка, летает. Чоловик хороший, да беспутный.

— Одной скучно?

— Днем ни, не скучно: то баранта, то город, то всякая другая справа.

— Хозяйство у вас — пустяковое, и Фынчка — молодец!

— Сыночек мой — парубок отличный, сам огород полет, и кошу дует, и барынь пасет, а чоловика моего все нема и нема! — протяжно произнесла Панченко и легко, склонкой заплакала.

— Ну, что такое? Вы — женщина грамотная?

— Разумимо, чоловик мой меня научил: первые два года, я оженилась, ни на минутку не расставались, так за руку и жили, а он читать любил. Он читает, я рядом сижу, смотрю в его книгу.

— Грамотная — и ничего не делает. Я вам дадо однажды, поработайте у меня. Привыкнете — останетесь у нас на постоянной работе.

— Какое такое дельце?

— Интересное. Вы — человек свой, живем мы на одном дворе — удобно!

— Да оно удобно.

— Слушайте.

— Я слухаю. Что это вы такой серьезны? Побалакала бы со мной. А? Андрей Петрович! Побалакала со мной.

— Я с вами балакаю. Сегодня утром у меня окотилось несколько овец.

— Чую, овечки не при чем.

— Вопрос: может ли одна овца выкорчить трех ягнят?

— Хыба я знаю?

— Слушаю, меня, не перебивайте! Я делаю опыт. Овцы окотились двойнями. Надо к одной овце подселить третьего ягненка. За овечкой сделана яма, в яме лежит овца, с ней чужой ягненок. Овца

Борис Направленный оставил в конторе начальника конного двора портфель и

Так представляется художнику любовное свидание в 1940 году следующих товарищей: Е. Усевич с М. Голомы

Рис. М. Федорова

С. ТРЕГУБ

Молодые стихи

Лермонтов сидел под арестом за дуэль с Эристом де-Барантом. После посещения его Белинским он написал стихотворение «Куртизант, читатель и писатель», в котором запечатлены следы их беседы. В нем имеются такие строки:

Журналист: Поверьте мне: судью несть

Даны нам тяжкие верити.

Скажите, каково прочесть

Весь этот вздор, все эти книги,

И все зачем? Чтоб вам сказать,

Что их не падено читать...

Читатель: Зато какое наслажденье,

Как отыграти ум и грудь,

Коль попадет как-нибудь

Жизне, свежее творенье!

Слова «читателя» привели мне на память, когда я встретился со стихами малоизвестного и поэтически начинаящего поэтика Михаила Спирова.

Поэтические отчты наших журналов

передко завалены бесполыми стихами

эроте:

В январе бы, на заре

Очутиться во дворе:

Открыты чугунные ворота,

Люди смотрят на часы,

Брутит моркье усы —

Уходить, как видно, нехота.

(«Новый мир» № 1, 1939 г.)

Здесь нет ничего: ни мысли, ни пафоса. Одна сырость. Непонятно, что побудило автора сих строк взять в руки перо? Кайда жажда томит его лушу?

Писать такие вирши должно быть музычно скучно. Диву дается, как их пишут. Нет что зрение или слух нужено иметь. Достаточно одного обоняния, чтобы опознать захлость.

И вот среки груды окаменевших строк, безаликих и бездумных, то не в меру патетичных, то лирифицированных, — встретились живые сердечные слова. Несколько рядовых стихотворений сказали нам об авторе, его характере, взглядах, переживаниях куда большие, чем бесконечные излияния иных, не в меру разрывлявших привычных идей. Пусть он окончательно не падено читать умом, в глазах и в груди.

Стихотворение это «не характерно» для Спирова, потому что он — военный инженер воздушных войск РККА, работающий сейчас в 1-й Отдельной Краснознаменной Армии, пишет преимущественно горные пейзажи, крепыши людей — летчиков. О них идет речь в стихах «Ночной полет», «В пурту», «Расставание».

Они крепыши с яркими связями с Красной Армией чувствуются в «Процессии с друзьями», «В родном селе», «У гроба товарища». Здесь живет его профессия. Однако, что особенно ценно, в стихах «войных» и «гражданских», в «характерных» — «Характерных» они опущены одна и та же провинциальная сила. Такое единство мы наблюдаем также не у всех. Сколько поэтов, появляющихся на ходули риторики в знаменательные для народа дни проявляли себя мелкотравьими мимами в стихах не «газетных», не праздничных, в которых, так сказать, саживаются их собственная натура.

Мотивы «Баксанского ущелья» родственны и другим произведениям Спирова. Они характерны для строя его души, прекрасная страна обожита им, они взаимоизменяются, у него много друзей, и он другим друзьям, не изменяя.

Известное становится наложкой, когда оно стало на свое место. Свежесть данного эпитета и данной метафоры — свойство не постоянное, а постоянно приобретаемое. Все зависит от ряда, в котором они находятся, и от взаимоотношения с другими слогами. «Прекрасно то, что она не в своем месте всего прекраснее».

Есть у Спирова коротенькие стихотворения «Расставание» («Огонек» № 31 за 1938 г.). Самолет взлетел с откоса и покинул за облака. Летчик прощался с лебедем девушкой:

Он прощался с ней надолго:

«Винни вырьют в салу,

И тотя я, может, с Волги,

Может, с Каспии приду».

В этот день цветы по лугу

С первым промром расцвели,

Шли они и друг на друга

Наглядеться не могли.

Но вот наложка, подробность, деталь, усиливающая впечатление:

Долго девушка смотрела,

Была кашлялась два крыла,

Над плаком ее звенела

Одинокая птица.

Такие-то птицы и несут меч в поэтические соты. Они кружатся вокруг нас постоянно. Радость бытия, которая обуревает Спирова, — настоящая, большая советская радость. Она не имеет ничего общего с благополучием скопцов, хвалящих величайшие зубы...

Прожигающие мотивы,

Несколько лет я смотрю на них,

Их счастье и горе,

Их любовь и ненависть,

Работа

Как горна на изынках плоскогорий
изломанный лиловый призрак гор,
как моряка покачивание моря
и синт синтес, почивающих простор.

И как солдата трепыханье флага
и зов трубы и жаркий хран коней,
меня волнует чистая бумага,
картина, стремящаяся к ней.

Ты видишь, вот лежит перед тобою,
простор необозримый распластав,
неограниченное поле боя —
прямоугольник чистого листа.

Вот пред тобой бумажный лист, не
боге,
Так что же так зовет тебя туда,
в ничем неограниченное поле
большого человеческого труда?

Наверно тот тревожный легкий пламень,
неглени свет, который в нем горит,
который небом теплится над нами
и, как дорога, в горизонте бежит.

A. РАСКИН. М. СЛОБОДСКОЙ.

Наивные заметки

Грибоедов инкогнито. — Медицина и тяжелая атлетика. — Разговор с любимой. — А. Б. и С. — Река — тут, река там... — «День пройдет, настанет Вечер». — Что мы хотели отобразить.

Рассказывает такой анекдот:
Один из основателей Художественного театра беседовал как-то с драматургом.

— Вот вы, батенька, — спрашивал основатель, — могли бы представить себе пьесу с таким примерно сюжетом: молодой человек приезжает на родину и узнает, что его девушка любит другого?

Драматург снисходительно усмехнулся.

— Какой же это сюжет, — сказал он. — Так — водевильчик. И то вряд ли...

— Думаете? — рассеянно проговорил основатель. — А вот один автор уже написал и получилась довольно популярная в свое время пьеса. «Горе от ума» называется. Может, слышали?

Драматург, говорят, на этом месте замялся скрип и поспешно переменил тему.

Узнать Грибоедова в таком наложении действительно трудновато. Более того, смею

ло утверждать, что человек, знающий только этот сюжет, не будет становиться на рассвете очередь за билетами.

Вообще, многое зависит от исходной точки.

Один гражданин, например, смотрел недавно пьесу, будучи твердо убежденным, что название ее «Норд». Естественно, что спектакль ему не понравился.

Как не почувствовать этому товарищу! Мы сами каждый день рискуем почастье приблизительно в такое же положение.

Скажем прямо, мы читаем рецензии. Рецензии на спектакли, кинофильмы, по-

вые книги.

Вот так прочешь, и долго-долго сидишь потом пригорюнившись. Сидишь и щечищешь побеленными губами:

— Не то, не то...

А ведь писали же люди! И даже рецензии писали.

Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи — у солнца, блеск — у молнии, грот — у гор, гул — у ветров, что вся природа сама наслаждается и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму.

Это Белинский рецензирует «Мыслей» Лермонтова. Хорошо, не правда ли? Правильно! Чувствуется настоящая

заряженность, насыщенность, наполненность.

Но сейчас такой стиль считается почетным и несовременным. Современный рецензент солиден, ходокен и сух. Предательская влага в работе время не застигает его стальных глаз, умияет волнения не окрашивает его щетинистых щек. Он берется за перо, как за скрепель, и, овладев своими первыми, начинает методично препарировать: «Автор вскрыл... удачно обнажил... легко обнаружил...». Оценки его мучительно напоминают медицинский диагноз. После операции он обычно выписывает рецепты: «Такой-то персонаж вреден, такой-то акт полезен, особенно молодежи... Так и ждешь, что тут же будет указано — пьесу принимать три раза в день в обложках».

Да, он очень похож на врача, современный рецензент. Кажется, что после каждого акта он снимает белый халат и, зачищая рукава, долго и тщательно моет руки. А потом, наверно, идет в кино или в театр и вместе с другими зрителями смеется или плачет там, где «автор сумел обнажить...». А насынившись и напалмившись, возвращается к операционному письменному столу и, кряхтя, влезает в привычный халат.

Впрочем, есть и другой тип рецензента. Этот рисуется нам этаким жизнерадостным дядькой, любителем плотной пищи и утренней гимнастики. Словаря его в основном спортивный, даже тяжелоатлетический. Он обычно с удовлетворением отмечает, что «автор донес... поднял... вывел... верно скватил... и легко справился».

Так и чувствуется, что сидит он в театре или в кино, как на состязаниях штангистов-гребцов, и, затянув дыхание, гадает:

«Поднимет — не поднимет, поднимет — не поднимет?» А когда занавес опускается, он облегченно вздыхает и говорит:

— Поднял! Наенную высоту...

А ежели все-таки автор не поднял (что бывает), он говорит о недостатках, как о запрещенных приемах: «Недопустимый пережим... странный вымысел... и прочее».

Медицина и тяжелая атлетика! А ведь рецензент об искусстве!

Человек, пишущий об искусстве, должен его любить.

— Мне любим! — ответят нам хором, — и мы любим! —

Хорошо, предположим. Но разве можно разговаривать с предметом любви таким

заныком?

Берни оружье твердо рукою.
Ты земляшец и покой нет.
Ты честный вони — нет тебе покоя.
Пока перед тобою этот свет.

Завоевать, возделать, переладить,
по-своему перекроить, обжить
И задохнуться. И рукою погладить,
И в сторону почтительно сложить.

Затихнуть и застыть. И на минуту
почувствовать вдруг такую тишину,
как будто все закончено, как будто
ты сам, как стебель, ревешь в вышину

под теплым ливнем, и тебе сдается
что небо близко, вот еще чуть-чуть.
И сердце не стучит, и кровь не бьется,
и нетерпение наполняет грудь.

Но ты страшнее мгновенное забытье
и новый лист увидишь под рукой.
И снова понесет тебя волны.
Конца не видно. Небо далеко.

А. РАСКИН. М. СЛОБОДСКОЙ.

«Окололитературная энциклопедия»

А.

АВАНС — см. исполнительный лист.

АВТОР — 1) Лицо, упомянутое в договоре примерно так: А: не вправе.. А. обязуется.. А. отвечает перед судом.. 2) Лицо, упомянутое в рецензии или критической статье, но уже так: А: не понимает.. А. не сумел.. А. не дано..

АКТ — неминуемый про-
межуточок между антрактами.

АНТИКРИТИК — совре-
менное название советского писателя.

Б.

БАЛЬЗАК — аппарат для измерения роста прозактов.

БАРАБАН — музыкальный инструмент. Иногда Б. может служить жертвой.

БАСНЯ — литературная форма, которую чаще всего придают издательским письмам.

БЕИЛЬ АНРИ (Стендаль) — не см. А. Виноградова.

БЕЛЛЕТРИСТИКА — в дре-
вности — изящная литература.

БРЯТЬЯ ПИСАТЕЛИ — Ма-
риетта Шагинян, Анна Ка-
раваева, Валерия Герасимова,
Вера Инбер, Агния Барто..

БЮРО СЕКЦИИ ССП — тен-
тени.

В.

ВАРИАНТ литературный —
пьеса, которую не принимают
к постановке ни один театр.

ВДОХНОВЕНИЕ — идеа-
листическое понятие, уходя-
щее своими корнями в пе-
чатальной памяти времена па-
боя.. (Брючес. см. Музу).

ВЕРЬЮ ЖЮЛЬ — писатель,

полностью отклинувшийся

на призы соответствующих

организаций создать зани-
мательные книги для ребят

и т. д.

Г.

ГОНОРАР — последнее, от чего отказывается мудрец.

ГРАФОМАНИЯ — разно-
видность физического труда.

ГРУППОВЩИНА — одна из самых живучих — шин.

Представители группови-
щины бывают групповщиками

и групповицами. Одновременно с

Г. ведется борьба. Иногда

борьба с Г. ведется недоста-

точно.

ГУРВИЧ А. С. — предста-
витель древних племен, сре-
ди которых наиболее известны:

вятчики, кривчики, новичи,

гурвичи, яниччи, марвичи и

звавичи.

Д.

ДЕМОКРАТИЯ — в про-
сторечии Д: все за одного. Д. в
сокозе писателей — один за
всех.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА — вы-
сокопарное название биль-
ярдной.

ДРАМА — условный жанр.
Иногда превращается в тра-
гедию для автора и в коме-
дии для зрителя.

Е.

ЕЛЕЯ — сорт душистого масла, ранее употреблявшийся при богослужении. Ныне употребляется в некоторых газетных рецензиях.

ЕМИЛ — писатель,

занимавшийся в основном

литературой.

ПЛЕАДЫ ТАЛАНТА — С.

КУЛАЧКОВЫХ

ПЛЕАДЫ ТАЛАНТА — С.

Рис. Н. Радлова

ПЕРЕХОД МОСКОВСКИХ И ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ СТАРОГО ГОДА В НОВЫЙ

АЛЬМАНАХ ТУРКМЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вышел из печати и поступил в продажу литературный альманах ССР Туркмении (на русском языке). Альманах составлен преимущественно из новых переводов на русский язык произведений туркменских писателей. В разделе поэзии напечатаны стихи и поэмы: народного поэта-орденосца Ата Салыха, народного поэта-орденосца Дурды Клыча, Дурды Агамамедова, Сендои, Кемал Ишанова, Чарыкулиева, А. Егорова. Позже представлена произведениями Ахахана Дурды — отрывок из повести «Мерет»; Н. Саркханова — рассказ «Желание»; А. Абкорсова — рассказ «Горы», рассказами Чары Аширова и Д. Зотова. Кроме того, в альманахе напечатана полностью комедия Тоушан Эсекиновой «Дочь миллионера» и небольшая пьеса Ахахана Дурды «Деньги».

В альманахе впервые публикуется на русском языке большой цикл стихотворений классиков Туркмении (Зелини, Молла Непес, Махтум Кули, Сенди и Кемине) в переводах московских поэтов: В. Гусева, А. Минника, В. Стрельченко, В. Буяевского.

Историко-литературные чтения

Такие чтения организует секция советской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького. Материалами для чтений служат главы подготовленных секции «История советской литературы».

На открытии чтений читали написанные ими главы «Истории»: М. Левицкий, А. С. Грин и С. Гехт — о К. Паустовском. В обсуждении этих глав приняли участие К. Зелинский, К. Паустовский, Р. Фраэрман, Н. Четунова, М. Серебрянский, А. Евгеньев и Н. М. Грин — вдова писателя.

Особенно резкие возражения вызывала первая часть главы о Грине, в которой М. Левицкий изображает Грина одиозным неудачником, озлобленным против окружавшего его мира и создавшим свою страну Зурбаган отменив этому мир.

— А. С. Грин, — говорит К. Паустовский, — громадное литературное явление, и он далеко не раскрыт в очерке М. Левицкого. Не показаны его страстная убежденность и вера в человека, присущие ему «чувству высокого», которое он так умел передавать читателю.

Н. М. Грин возражала против версии о неудачности писателя как истоке его творчества. — Внутренне, — заявляет она, — Грин не чувствовал себя неудачником, он был горд и счастлив, что в течение 25 лет был писателем.

Все участники обсуждения, да и сам М. Левицкий в своем заключительном слове, признали, что в очерке не раскрыто самое важное — почему А. С. Грин вошел в историю советской литературы, чем он близок современным. Неудовлетворенность вызвала и глава, написанная С. Гехтом о Паустовском. Лейтмотив этой главы — резкое противопоставление раннего Паустовского его последнему творчеству, начинавшемуся с «Кара-Бугаза». С. Гехт, очевидно, казалось, что методом такого противопоставления ему удастся более раскрыть творческий облик писателя. Однако этот прием не удался, так как констатировали все выступавшие, и в том числе сам К. Паустовский, отрицавший наличие в своем творчестве каких-то двух резко различных периодов.

С. И.

Литературная газета

6

№ 72

Новые члены союза писателей

На последнем заседании президиума 27 декабря было обсуждено 25 кандидатур писателей в члены ССР СССР.

Первую обсуждалась кандидатура писателя В. Аристова, живущего в Смоленске. Недавно он опубликовал свой новый исторический роман, посвященный родному городу, — «Смоленск». Ф. Левин, в качестве председателя приемочной комиссии, говорит, что «Смоленск» завоевал второе прочее место среди советских романистов, и вопрос о приеме А. Аристова в члены ССР решен комиссии положительно еще полгода назад. А. Караваева, поддерживавшая кандидатуру В. Аристова, характеризует его как писателя очень одаренного, много и серьезно работающего, созданного в своем романе интересный образ Федора Кони. Можно спорить, подчеркивает М. Эшарт, о частностях этого произведения, но в целом оно несомненно дает В. Аристову полное право быть членом союза писателей. Тов. Аристов принимается в члены Союза писателей его рекомендуют Е. Киников и Е. Гальперина.

Единогласно, без обсуждения, принимаются в члены союза писателей поэты В. Державин и В. Ильин и литератор-вед, поэт и переводчик Ф. Кельян.

Небольшую дискуссию вызвала кандидатура В. Катанина. Примечательной комиссией воздержалась от рекомендации В. Катанина, так как, по ее мнению, деятельность его носит чисто журналистский характер. Против заключения комиссии решительно возражали О. Брик, М. Левин, В. Школовский и Т. Рокотов. Они находят, что громадная работа В. Катанина по редактированию двенадцатитомного издания Манюкова, его новеллы о Маяковском, а также критические статьи, написанные в 1930—32 гг., выходят далеко за пределы чисто журналистской деятельности. А. Фадеев, суммируя высказывания, говорит, что литератором квалифицирован В. Катанин и его большой профессиональный стаж несомненно дают ему право быть членом союза писателей. Но в целом споры, возникшие вокруг его имени, не случайны. Известно и то, что В. Катанин занимается творчеством Маяковского, но то, что он ограничил свою литературную деятельность только этим, решительно отказавшись от активной работы советского литературного критика, надо признать большим недостатком.

После принятия тов. Катанина в члены Союза писателей единогласно принимаются также переводчики Н. Даруес, Е. Калашникова, Л. Френкель и И. Горкина.

В. Школовский, В. Ардов рекомендуют принять в члены союза писателей Л. Лагина — автора многочисленных фельетонов, печатавшихся в «Крокодиле», и интересной повести для детей.

Тепло характеризует творчество поэта П. Панченко Ю. Крымов, рекомендует принять его в члены союза. Кандидатуру П. Панченко поддерживают также П. Антокольский и Ф. Кельян, который хвалит сборник его стихов «О Испании и стихотворные переводы».

П. Скосырев выдвигает кандидатуру фольклориста С. Мирера — составителя народного творчества Туркмении и книги «Революция» (сказы уральских ра-

бочих). Его кандидатуру поддерживают А. Караваева и Ф. Левин.

В члены союза принимается и известный фольклорист В. Сидельников, автор нескольких литературно-исследований, работ о сказках, песнях, частушках, большой знания краинской фольклористики.

П. Скосырев рекомендует принять в члены союза писателей поэта С. Олещера, много переведенного из туркменских поэтов, из Коста Хетагурова, Я. Смеляков поддерживает кандидатуру С. Олещера, характеризует его как одаренного поэта, который учится у лучших мастеров русской поэзии.

Литераторовед Я. Фрид — автор ряда интересных работ о западной литературе.

Его статьи о Чаплинне, о Ромэн Роллане, о Пеле Валери хорошо известны советским читателям. Сейчас Я. Фрид занимается творчеством Стендэля и Рабле. В члены Союза писателей его рекомендуют Е. Киников и Е. Гальперина.

Прекрасную характеристику критически работам Н. Четуновой дает К. Федин. Ее статьи о Ромене-Х. Сендоре, Гийо, Бальзаке, по мнению К. Федина, принадлежат к лучшим критических статьям, написанным за последние времена. Кандидатуру Четуновой поддерживают также В. Кирпотин и Ф. Кельян.

В. Кирпотин и А. Фадеев рекомендуют принять в члены союза писателей М. М. Эссел — прекрасного, опытного редактора, позаимствовавшего из классических изданий, литература с большой эрудицией, с глубоким марксистским образованием.

Поэта А. Яшина — автора книги стихов «Северянка», поэм «Мать» и «Клад» — рекомендует принять в члены С. Ольинский. Его поддерживает А. Фадеев, считаящий Яшина зреющим и своеобразным поэтом. По просьбе президиума А. Яшин прощел свои стихи, очень хорошо проявившиеся аудитории.

А. Караваева и С. Швецов дали блестящую оценку творчеству аргангардского сказочника С. Г. Писахова, автора прекрасных сатирических антилирических сказок. Чтобы познакомить присутствующих с творчеством Писахова, живущего в Аргангарске, А. Фадеев прочел одну из его замечательных сказок, напечатанных в «Красной нови».

На заседании были обсуждены также кандидатуры драматургов Ф. Ваграмова и П. Яльцова, литератороведа А. Волкова, литератороведа и переводчика С. Родова.

Все рекомендованные писатели принятые в члены Союза писателей В. Виноградов и поэт Л. Лавров решением президиума восстановлены в правах членов Союза писателей.

Ф. Панферов выдвигает кандидатуру писателя А. С. Гринова, членом которого является секретарь тов. А. С. Грин.

На заседании были обсуждены также кандидатуры драматургов Ф. Ваграмова и П. Яльцова, литератороведа А. Волкова, литератороведа и переводчика С. Родова.

Все рекомендованные писатели принятые в члены Союза писателей В. Виноградов и поэт Л. Лавров решением президиума восстановлены в правах членов Союза писателей.

Президиум ССР СССР утвердил предложенные Бюро национальных комиссий план празднования 100-летия со дня рождения И. А. Куратова. В Сыктывкаре 17 января 1940 г. состоится торжественное заседание общественных организаций Коми с участием президиума Союза писателей

Кандидаты на горьковскую премию

1 января 1940 г. Комитет по делам искусств получил уже свыше 15 предложений, главным образом от коллективов театров, выдвинувших пьесы, поставленные на сцене в 1939 году, на соискание горьковской премии.

Московский Театр революции, выдавший

на соискание горьковской премии «Павла Грекова», отмечает, что «эта пьеса о поэте, высоком чувстве советского человека,

о любви к партии своей искренностью и возвышенностью» оказалась решавшей влияющей на советский театр и советскую драматургию.

158 спектаклей выдержали

в истекшем году в Театре революции.

Она идет на сценах театров 153 городов Советского Союза. В 1939 году показано

свыше 2000 спектаклей пьесы «Павел Греков», которую с огромным интересом смотрели миллионы зрителей. Впечатляющая

силы спектакля «Гурьев Спайдария».

Киевский государственный украинский

театр им. Франка выдвинул на премию

пьесу А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий».

Белорусские государственные театры

Минска и Гомеля считают лучшей пьесой

этого года политическую комедию

Кривяка «Кто смеется последний?».

С большим успехом Л. Кассиль прочи- тал новеллу «Портрет» из выходящей в

свет новой книги «Часы на башне».

В заключение состоялся концерт. Мон- сковский театр юного зрителя поставил

сцены из пьесы Л. Кассиль.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР Л. КАССИЛЯ

Отдел пропаганды союза советских писателей организовал 27 декабря в клубе МГУ творческий вечер Л. Кассиля.

Вечер открыл М. Левицков. Он говорил о писательской эволюции Л. Кассиля от автобиографической темы, преобразованной в первых его произведениях, в реализмическом изображении мира советских детей. Его мнению, Л. Кассиль еще недостаточно владеет мастерством развития сюжета и стилистической простотой и глубиной.

«Всдух про себя» — так заглавила Л. Кассиль свою содержательную беседу с аудиторией. Центральная часть этой беседы воспоминания о В. Маяковском. Л. Кассиль ярко нарисовал образ поэта трибуны, образ страстного борца и неизвестного полемиста. Эти воспоминания — отрывок из большой работы «В. Маяковский», на которую Л. Кассиль находит заключение.

С большим успехом Л. Кассиль прочитал новеллу «Портрет» из выходящей в свет новой книги «Часы на башне».

В заключение состоялся концерт. Мон- сковский театр юного зрителя поставил

сцены из пьесы Л. Кассиль.

На 800-летие со дня рождения Ни-

замы писатели Украины работают над пе-

редакциями произведений великого азербайджанского поэта и мыслителя.

Л. Первомайский переведет известную

поэму «Лейли и Меджнун», группу поэтов

в составе М. Рильского, В. Сосюры,

А. Малышко, Л. Дмитрико и других пере-

водят поэму «Семь портретов красавиц».

Д. Гофштейн и И. Фефер переведут эту

же поэму на еврейский язык. С. Голови- ний работает над переводами лириче-

ских произведений Низами.

* На последнем заседании московской

литературной секции ССР поэт-орденосец

И. Фефер и новеллист Ф. Сиго рассказы-

ли о своем поездке в западные районы

Белоруссии.

В Белоруссии сейчас находится большая

группа еврейских писателей, эмигрировав- ших с территории бывшей Польши. Среди них такие видные прозаики, как Э. Ка- ганович, Г. Бурштейн, М. Минченхаймер, М. Гросман, поэты Б. Геллер, М. Бродэрзон, Л. Рубинштейн, З. Баггин, И. Моргенто, ряд талантливых молодых писателей.

Большие творческие возможности, от-

крытые для них вновь обретенной родине, открывают этих писателей на соз-